

УДК 347.61/.64

О СУДЕБНОМ ПРАВОТВОРЧЕСТВЕ ПО СЕМЕЙНЫМ ДЕЛАМ КАК ПРОБЛЕМНОЙ ФОРМЕ СУДЕБНОГО УСМОТРЕНИЯ

Н. Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль

Рассматривается проблема судебного правотворчества по семейным делам на примере новейших постановлений высшей судебной инстанции, выявляются предпосылки данной формы судебного усмотрения, анализируются правовые позиции по делам об оспаривании и установлении отцовства, применении мер ответственности за ненадлежащее воспитание детей, взыскании алиментов, о родительстве при суррогатном материнстве.

Ключевые слова: *судебное усмотрение, предпосылки, судебное правотворчество, семейные дела, правовые позиции.*

Судебное (или судейское, если угодно¹) усмотрение при разрешении семейных дел, а также при обобщении тенденций и проблем соответствующей правоприменительной практики судом высшей инстанции относится к числу весьма активных, емких и ярких проявлений российской юридической действительности. Большой загадки в этом нет – предпосылки достаточно очевидны, однако их системная констатация делу не повредит.

Первую составляют особенности семейных отношений как предмета конфликта и содержания судебного семейного дела (специфический субъектный состав, глубокая степень индивидуализации, значимость этических характеристик ситуации и др.²). Это их качество предопределяет доминирование в семейно-правовых ресурсах относительно определенных предписаний (альтернативных, факультативных, а главное – ситуационных³). Именно юридическая неопределенность содержания правовых норм позволяет учесть многообразие конкретных казусов жизни, в том числе и в семейной сфере. Вариации неопределенности по объему и сфере распространения могут классифицироваться по трем группам: вариации

¹ Терминологическая устойчивость для обозначения данного правового явления отсутствует.

² Подробнее см., напр.: Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М., 1972. С. 43 - 70; Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. С. 35 - 52; Косова О.Ю. О предмете семейного права // Сибирский юридический вестник. 1998. № 1. С.66 - 78; Тарусина Н.Н. Семейное право. Очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009. С. 4 - 45. и др.

³ Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. М., 1982. С. 73.

«стратегического» типа сосредоточиваются обычно в общей части закона, содержательно проявляясь при конструировании начал законодательства, в нашем случае – семейного (принципов, дефиниций основных понятий или отсутствия таковых, что еще более затрудняет правоприменение), а также институциональные и частные вариации⁴.

Вторая предпосылка является универсальной и относительно объективной (в смысле неизбежности): невозможность охватить «регулятивными щупальцами» все варианты, тем более детали допустимого (или недопустимого) поведения, изменчивость общественных отношений постоянно воспроизводит пробельность, дефектность семейного и смежного с ним законодательства. Их дефектности способствует также рассогласованность действий законодателей при разработке и принятии нормативно-правовых актов разной отраслевой принадлежности – с уместной в данном случае иллюстрацией тезисом о «правой и левой руке» (третья предпосылка). Это порождает коллизии, в том числе и не разрешимые (и не разрешаемые годами, даже десятилетиями)⁵.

Четвертая предпосылка опирается на исключительную общественную значимость защищаемых в процессе по семейным делам интересов – ребенка, другой социально слабой стороны (женщины в состоянии беременности, супруги, занятой домашним хозяйством, уходом за детьми и другими членами семьи), семейного союза в целом. Это также нередко подвигает суд в целях достижения справедливого результата разрешения семейной тяжбы к применению технологий толкования, аналогии закона с выходом далеко за пределы правил такового применения⁶.

Не без последствий остаются и факторы, характеризующие личность судьи, индивидуальную и коллективную (гендерная, религиозная, национальная, культурологическая принадлежность, тип

⁴ См., напр.: Тарусина Н.Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». 2017. № 1. С. 50 - 53.

⁵ Ярких примеров подобного рода в семейном законодательстве предостаточно. Наиболее старинные и известные: обязанность суда при расторжении брака по собственной инициативе решить вопросы о месте проживания ребенка и взыскании алиментов на него (ст. 24 СК РФ) и исчерпывающий перечень субъектов права на инициирование гражданского процесса (ст.4 ГПК РФ); запрет мужу в течение беременности жены и года после рождения ребенка предъявлять без ее согласия иск о расторжении брака (ст. 17 СК РФ) и отсутствие адекватного основания к отказу в приеме искового заявления (ст. 134 ГПК РФ). Подробнее см.напр.: Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. С. 276 - 279.

⁶ Примеры подобного рода будут продемонстрированы нами при анализе постановлений 2017 г.

темперамента, количество и качество образования, система взглядов, жизненный опыт и т.п.)⁷. С известной долей условности эти обстоятельства составляют пятую предпосылку для формирования особенностей судебного усмотрения, в нашем случае – по семейным делам.

Судебное усмотрение проявляется в различных формах: конкретизации оценочных понятий и характеристики конфликтной ситуации (персоналии, причины тяжбы, юридические, психологические и этические контексты), неочевидного субсидиарного применения правовых норм, толкования (различными, в том числе весьма «творческими» способами), разрешения (или попытках разрешения) коллизий в законодательстве, аналогии права и закона, особого мнения судьи, приближения к судебному прецеденту и, наконец, в форме судебного правотворчества.

При этом относительно прецедентности решений в доктрине в основном солидарны: судебный прецедент в его классическом понимании российскому правосудию не присущ, однако косвенное значение все же имеет⁸. Во-первых, очевидно, что решения по конкретным делам вышестоящих судебных инстанций оказывают влияние на решения нижестоящих судов по сходным или аналогичным вопросам. Во-вторых, суждения Верховного Суда РФ обобщающего характера (о практике применения законодательства при рассмотрении тех или иных категорий дел) являются, как правило, «руководством к действию».

Именно указанные документы содержат весь спектр судебного усмотрения – вплоть до высшей (и чрезвычайной по своей природе) формы его проявления – формирования правовой позиции на грани нормотворчества или уже в рамках такового. Всплески подобной «архисуверенности», разумеется, наблюдаются в течение десятилетий и по всему пространству российского (советского) права. Они есть и они будут. Соответствует ли подобная констатация букве российского закона? Нет. Продиктованы ли подобные акты «за гранью толкования»

⁷ См., напр.: Клеандров М.И. Статус судьи. Правовой и смежные компоненты. М.: Норма, 2008. С. 228 - 235; Тарусина Н.Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011. С. 41 - 55.

⁸ Подробнее см., напр.: Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М.: Международные отношения, 2004. С.15-23; Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект. С. 100 - 128; Боннер А.Т. Судебный прецедент в российской правовой системе // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: СПбГУ, 2005. С. 420 - 423; его же. Применение нормативных актов в гражданском процессе // Избранные труды. Т. III. М.: Проспект, 2017. С. 167 - 377; Малешин Д.Я. Судебный прецедент в России: социокультурные особенности // Закон. 2010. № 11. С. 123 - 124, 128.

соображениями о необходимости увеличения меры справедливости в судебных решениях? Как правило, да. При этом следует заметить, что история развития законодательства по большей части это подтверждает.

Семейно-правовая сфера в силу означенных ранее предпосылок испытывает на себе эту энергетику с непреходящим постоянством. В качестве исторического примера воздействия указанной правотворческой энергетики можно «прооперировать» правовую позицию ч. 3 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 28.11.1980 г. «О практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»: судам предлагалось признавать имущество, нажитое супругами в период фактического прекращения семейных отношений и ведения общего хозяйства, их раздельной собственностью⁹. Между тем нормы КоБС РСФСР 1969 г., регулировавшие имущественные отношения между супругами, устанавливали «категорический императив» общности имущества, нажитого в браке (ст. 20), без каких бы то ни было исключений (кроме классических оснований для режима личной собственности). Причем совершенно очевидно, что вектор законодательства того времени о расторжении брака был ориентирован исключительно на сохранение семьи, что неоднократно подчеркивалось и самим Верховным Судом, поэтому придание юридического значения так называемому фактическому разводу на этом фоне выглядело непоследовательно. В целом правовая позиция ч. 3 п. 15 отвечала соображениям справедливости, что и было подтверждено новеллой п. 4 ст. 38 СК РФ. Однако справедливости «с перчинкой»: в случаях, когда речь шла о сходном фактическом состоянии (фактическом браке), и законодатель, и суд оставались и остаются неумолимыми: даже устойчивый, длительный фактический союз с общими детьми не вызывает сочувствия¹⁰; он не только не порождает хотя бы относительно благоприятных семейно-правовых последствий для супруги, занимавшейся ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми и нуждающимися в заботе другими членами семьи, но и заведомо исключает ее из числа наследников – в пользу, например, официальной жены, с которой ее фактический супруг не проживал не один десяток лет. Как видим, «справедливость справедливости – рознь».

Обратимся, однако, к анализу новейших правовых позиций Верховного Суда РФ, которые могут быть квалифицированы как нормотворческие, – с той или иной степенью уверенности и бесспорности.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Подробнее см., напр.: Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010. С. 130 - 157.

Так, в ч. 3 п. 29 постановления Верховного Суда РФ № 16 от 16.05.2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» суд вводит дополнительный вариант социального отцовства, не предусмотренный СК РФ, ни буквой его, ни духом: суд может отказать в удовлетворении иска об оспаривании отцовства при совокупности ряда условий (не заявлено требование относительно биологического отца; лицо, записанное отцом ребенка, возражает против удовлетворения иска; отказ соответствует интересам ребенка ввиду длительности семейных отношений, устойчивой эмоциональной привязанности между ребенком и данным мужчиной-социальным отцом, намерением последнего продолжать воспитывать ребенка и заботиться о нем). Справедливо? Да. Соответствует принципу приоритетной защиты интересов ребенка? Да. Но противоречит норме ст. 47 СК РФ: «Права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном законом порядке». Исключение делается законодателем только для ситуации отцовства при применении ВРТ (п. 3 ст. 52 СК РФ). С учетом обоснования позиции суда, а также безрезультативности его критики все же ожидаем, что данный субъект законодательной инициативы все же реализует свое право предложить законодателю внести столь разумные уточнения в СК РФ. Более того, в доктрине в течение двадцати лет высказываются соображения о целесообразности расширения действия конструкции социального отцовства за счет предоставления суду возможности отказывать в иске об установлении отцовства (а не только лишь оспаривании), если это безусловным образом обеспечивает существенные интересы ребенка и семьи, в которой он благополучно пребывает¹¹, а возможно, и за счет введения правила об обязательном согласии ребенка с 10-летнего возраста как одним из условий удовлетворения указанных исков¹².

На грани нормотворчества находится правовая позиция Верховного Суда РФ о возможности удовлетворения иска о признании генетических родителей-заказчиков юридическими родителями ребенка, рожденного в рамках программы суррогатного материнства, даже в случае отказа суррогатной матери дать согласие на соответствующую запись, а также смежного с данным иском требования о передаче им ребенка (ч. 4 и 5 п. 31).

¹¹ См., напр.: Хазова О. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83 - 84; Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юрист, 1997. С. 190 - 191; Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. С. 99 - 101.

¹² Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Права детей. М.: Проспект, 2018. С.60 - 61.

Следует заметить, что российский законодатель между двумя формами биологического родительства закрепляет безусловный приоритет суррогатной матери (п. 4 ст. 51 СК РФ). Это решение критикуется рядом семейноведов и не является универсальным – зарубежное законодательство по данному вопросу неустойчиво, а практика его применения противоречива¹³.

Более того, по данному вопросу высказался Конституционный Суд РФ. В определении № 880-О от 15.05.2012 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Ч.П. и Ч.Ю. на нарушение конституционных прав положениями пункта 4 статьи 51 Семейного кодекса Российской Федерации и пункта 5 статьи 16 федерального закона «Об актах гражданского состояния» противоречие конституционным нормам не усматривается. Впрочем, в рамках данного судопроизводства были высказаны два особых мнения¹⁴. Так, судья С.Д. Князев подчеркнул, что законодатель, закрепляя прерогативу суррогатной матери в решении вопроса о наделении генетических родителей соответствующими правами и обязанностями, не учитывает их права и интересы (именно их половые клетки используются для оплодотворения); тем самым не учитываются и интересы ребенка (в том числе его право воспитываться в полной семье, что далеко не всегда способна обеспечить суррогатная мать); само по себе вынашивание и рождение суррогатной матерью ребенка не может давать ей неограниченную свободу в определении субъекта родительских прав; спорное право суррогатной матери не соответствует целям института суррогатного материнства – позволить людям, страдающим бесплодием, стать родителями своего генетического ребенка. Судья Г.А. Гаджиев отметил значительную сложность решения обсуждаемого вопроса, среди прочего подчеркнул следующее: исключительное право суррогатной матери заведомо не может не приводить к спорам о судьбе ребенка; законодательство не содержит определения понятия «мать ребенка», в связи с чем возникает неопределенность относительно того, является ли суррогатная мать матерью в том смысле, в каком Конституция РФ предоставляет защиту материнству; с медицинской точки зрения происхождение человека устанавливается тождеством генов, законодатель же исходит из более значимого факта вынашивания и рождения ребенка, что не бесспорно.

¹³ См., напр.: Кириченко К.А. Модели правового регулирования отношений, складывающихся при применении методов вспомогательной репродукции: сравнительно-правовой анализ // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 69 - 80; Биомедицинское право в России и за рубежом / Г.Б.Романовский, Н.Н.Тарусина, А.А.Мохов и др. М.: Проспект, 2015. С. 248 - 249.

¹⁴ СПС «КонсультантПлюс».

Истинно так. Тем не менее Конституционный Суд не счел возможным реализовать свои полномочия «негативного правотворчества», а Верховный Суд позволил себе выйти за пределы своих полномочий. Можно, конечно, предположить, что речь идет о ситуациях с пороком воли суррогатной матери или же экономическом шантаже с ее стороны заказчиков, однако, во-первых, суд этого не фиксирует, а, во-вторых, предписывает судьям выяснять, был ли договор, каковы его условия, причины отказа суррогатной матери дать соответствующее согласие, а также суть интересов ребенка. Это явно расширяет предмет исследования – в противоречие норме СК РФ и правовой позиции Конституционного Суда РФ, что, мягко говоря, далеко не маловажно.

Обсуждаемые аргументы обоих судов (и судей) свидетельствуют о том, что потребность в корректировке нормы п. 4 ст. 51 СК РФ достаточно очевидна. Наиболее приемлемым вариантом является перевод предписания из императивного состояния в диспозитивное, т.е. предоставление суду права на усмотрение – с учетом всех обстоятельств дела и интересов всех участников спора. Исходным пунктом при этом может остаться и приоритет суррогатного материнства – лишь бы не исключались иные решения. Дело – за законодательной инициативой¹⁵.

На подобной же нормотворческой грани находится и правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ, изложенная в ч. 2 п. 10 постановления № 44 от 14.11.2017 г. «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни и здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». Суд, ввиду юридического тождества правоотношений родительства и усыновления/удочерения, предлагает применять к последним по аналогии нормы ст. 73 СК РФ об ограничении родительских прав в

¹⁵ Следует также заметить, что суд в п. 23 указанного постановления подтверждает свою прежнюю рекомендацию-призыв относительно возможности установления факта отцовства умершего лица на общих основаниях ст. 49 СК РФ с учетом того, что норма ст. 50, непосредственно адресованная к проблеме факта отцовства, содержит рудиментарное ограничение: только в связи с прижизненным признанием отцовства. Эта проблема очевидна для практики уже много лет (см. п. 4 - 5 постановления Пленума Верховного Суда РСФСР № 9 от 25.10.1996 г), однако не решается через процедуру законодательной инициативы. При этом применяемое судом логическое и систематическое толкование также находится, на наш взгляд, на грани нормотворчества. См.: Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014. С. 99.

Необходимость корректировки нормы ст. 50 СК РФ очевидна и для доктрины. См., напр.: Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статус ребенка: проблемы семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 13.

случаях, когда достаточных оснований для отмены усыновления/удочерения нет, но оставление ребенка с усыновителями/удочерителями (или одним из них) для ребенка опасно по причинам, не зависящим от последних (болезнь, стечение тяжелых жизненных обстоятельств и др.). В этой связи возникает несколько вопросов. Первый: почему основания аналогии усечены, т.е. не предлагается допускать ограничение вместо отмены и при наличии вины – в целях превенции и в интересах ребенка, если у суда имеются достоверные данные о возможности исправления поведения воспитателей (как это и предусматривается ч. 2 п. 2 ст. 73 СК РФ)? Можно предположить, что суд остерегается применять аналогию закона, когда речь идет о мерах ответственности. Однако ключевой аргумент о тождестве правоотношений в принципе позволяет этот рубикон перейти. Второй вопрос по своей направленности для нашей статьи стал уже традиционным: рассматриваемая правовая позиция заявлялась Судом еще 19 лет назад (в постановлении № 10 от 27.05.1998 г.), что же мешало ему проявить настойчивую законодательную инициативу – вместо повторения рекомендации? Тем более что речь идет о правовом регулировании приоритетной формы отношений и охране жизненно важных интересов детей.

В ч. 2 п. 45 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 26.12.2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» суд, реализуя идею гендерного равенства и руководствуясь наилучшими интересами ребенка, предлагает применять по аналогии правило п. 1 ст. 90 СК РФ о праве жены/бывшей жены на алименты в течение беременности и трех лет со дня рождения ребенка от мужа/бывшего мужа к ситуации, когда ребенок остается с отцом. Справедливо. Но спорно. Особенно если учесть примеры активного сопротивления в деле гендерного выравнивания статусов женщин и мужчин в сфере социального обеспечения, в том числе со стороны Конституционного Суда РФ¹⁶. Впрочем, в последнее время достаточно очевидна в законодательстве, конституционном судопроизводстве и правоприменении именно тенденция гендерной нейтрализации правовых норм – там, где это возможно по объективным характеристикам (прежде всего в рамках реализации статуса лиц с семейными обязанностями). И будем последовательны. Имеется ли обращение суда к законодателям с соответствующей инициативой? Если нет, планируется ли она?

¹⁶ Тарусина Н.Н., Исаева Е.А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 22 - 26.

Таким образом, лейтмотивом наших размышлений являются идеи о корректном использовании правоприменительных технологий судебного усмотрения, ограничении возможностей последнего в части изобретения рекомендаций нормативного характера, допущения последних в порядке особого исключения в случаях, когда это остро необходимо в целях достижения справедливого решения и реализации принципа защиты значимых общественных интересов, а также явной потребности скорейшего перевода подобных рекомендаций в пространство законотворческого процесса. Соответственно для высшей судебной инстанции системы судов общей юрисдикции предлагается актуальный «хэштэг»: «Законодательная инициатива – лучше пассива».

Список литературы

1. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Норма, 2010.
2. Антокольская М.В. Семейное право. М.: Юрист, 1997.
3. Беспалов Ю.Ф. Семейно-правовой статуса ребенка: проблемы семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2016. № 5. С. 11 - 15.
4. Биомедицинское право в России и за рубежом / Г.Б.Романовский, Н.Н.Тарусина, А.А.Мохов и др. М.: Проспект, 2015.
5. Боннер А.Т. Избранные труды. Т.Ш. М.: Проспект, 2017.
6. Боннер А.Т. Судебный прецедент в российской правовой системе // Избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: СПбГУ, 2005.
7. Верещагин А.Н. Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М.: Международные отношения, 2004.
8. Ворожейкин Е.М. Семейные правоотношения в СССР. М.: Юридическая литература, 1972.
9. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007.
10. Косова О.Ю. О предмете семейного права // Сибирский юридический вестник. 1998. № 1. С. 66 - 78.
11. Кириченко К.А. Модели правового регулирования отношений, складывающихся при применении вспомогательной репродукции // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 69 - 80.
12. Малешин Д.Я. Судебный прецедент в России: социокультурные особенности // Закон. 2010. № 11. С. 119 - 128.
13. Марченко М.Н. Судебное правотворчество и судейское право. М.: Проспект, 2009.
14. Лушников А.М., Лушникова М.В., Тарусина Н.Н. Гендер в законе. М.: Проспект, 2015.

15. Тарусина Н.Н. Семейное право: очерки из классики и модерна. Ярославль, 2009.
16. Тарусина Н.Н. О судебном усмотрении: заметки семейноведа. Ярославль, 2011.
17. Тарусина Н.Н. Семейное право: в «оркестровке» суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014.
18. Тарусина Н.Н. Ребенок в пространстве семейного права. М.: Проспект, 2014.
19. Тарусина Н.Н. Семейное законодательство: «50 оттенков неопределенности» // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2017. № 1. С. 50 - 53.
20. Тарусина Н.Н., Исаева Е.А. Гендер в законе: ограничения, преференции, нейтрализация // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 5 - 32.
21. Тарусина Н.Н. Брак по российскому семейному праву. М.: Проспект, 2010.
22. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Права детей. М.: Проспект, 2018
23. Хазова О.А. Установление отцовства // Закон. 1997. № 11. С. 83 - 84.

ON TRIAL FREEDOM OF TRIAL IN FAMILIES AS A PROBLEM FORM OF JUDICIAL DISCRETION

N. N. Tarusina

Demidov Yaroslavl State University

The article deals with the problem of judicial lawmaking in family matters by the example of the latest decisions of the highest court, the preconditions for this form of judicial discretion are revealed, legal positions on cases of challenging and establishing paternity, applying measures of responsibility for improper the upbringing of children, the recovery of alimony, parenting in surrogate motherhood.

Keywords: judicial discretion, prerequisites, judicial lawmaking, family affairs, legal positions.

Об авторе

ТАРУСИНА Надежда Николаевна – кандидат юридических наук, профессор, заведующая кафедрой социального и семейного законодательства, декан юридического факультета Ярославского государственного университета им.П.Г.Демидова, e-mail: nant@univ.uniya.ac.ru

TARUSINA Nadezhda Nikolaevna – candidate of legal Sciences, professor, head of the Department of social and family law, Dean of the law faculty of the P.G. Demidov Yaroslavl State University, e-mail: nant@univ.uniya.ac.ru

Тарусина Н.Н. О судебном правотворчестве по семейным делам как проблемной форме судебного усмотрения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С. 72 – 82.